

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В МУЗЕЙНЫХ ПРАКТИКАХ МИРОТВОРЧЕСТВА: ОПЫТ И ПЕРЕЖИВАНИЕ

Ионесов В.И. (Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия)

ionsov@mail.ru

Ներկայացման ամս.՝ 28.07.2019

գրախոսման ամս.՝ 04.08.2019

ընթացակարգի ընդունման ամս.՝ 29.08.2019

В настоящей статье рассматриваются возможности сборки и расширения нового культурного поля миротворчества, в котором музеи мира будут не только эффективно показывать гуманистический потенциал своих коллекций (наследия), но и открывать миротворческие возможности в пространстве обыденной жизни людей, тем самым *придавая ценность тому, что её не имело* или всё ещё оставалось не очевидно значимым для музейной работы. Есть два сценария достижения этого: 1) музей мира (с его артефактами наследия/памяти) своими социальными проектами инкорпорируется в культуру повседневности (обыденной жизни) людей и 2) лучшие образцы опыта обыденной жизни прикрепляются к актуальной практике музея, обретая статус культурной ценности.

Ключевые слова: музей мира, культура, визуализация, коммуникация, артефакты, насилие, примирение.

Становится очевидным, что вопрос о музеях мира напрямую связан с переосмыслением места и роли культуры в современном обществе, в переквалификации традиционных представлений о войне и мире, преемственности и нововведениях. В этой связи возникает необходимость привести музейные экспонаты в визуально-коммуникативное движение, то есть наполнить их актуальными сообщениями, историями, событиями, персонажами, драматургией, сценическими образами, символическими практиками и пр. Здесь также важно ответить на вопросы: что есть мир как объект музеефикации, какими предметными артикуляциями, мировоззренческими ценностями, дискурсами и нарративами он экранизируется в современном музейном пространстве?

Я исхожу из того, что эффективность того или иного социального института, включая музей мира, зависит от степени его культурной завершённости (спецификации), то есть полноты переработки и освоения доступных ему культурных ценностей и коммуникативных практик. В связи с этим, я смею утверждать, что не культура мира нуждается в нашей поддержке, а мы нуждаемся в поддержке со стороны культуры мира.

Историография вопроса музеефикации мира не столь обширна, как того заслуживает. Музейные практики миротворчества рассматриваются

исследователями преимущественно в контексте социального насилия, конфликта и военной истории [10; 11; 18], но в некоторых сочинениях поднимаются вопросы теории и практики музейного проектирования [5; 6; 9; 15; 16]. Ставится задача переквалификации концептов войны и мира, в том числе, в контексте культурологического знания [3; 6; 7; 12; 13; 17].

Современными исследователями, в целом, подчёркивается необходимость перехода к новым коммуникативным стратегиям в конструировании миротворческого процесса, к актуальным технологиям визуального моделирования и креативному опыту репрезентации мира как культурной ценности. Отмечается значимость расширения арт-предметной и событийной экранизации музейного пространства, в котором вещи и люди будут выступать участниками большого разговора о насущных запросах современности [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 14; 15].

Музейные практики свидетельствуют также о том, что в современном музейном проектировании происходит постконцептуальное понимание миротворчества или парадигмальный поворот в сторону культурализации (т.е. наполнения культурой) понятия мир. Постконцептуальный (интеллектуальный) поворот освободил артефакты миротворчества от их привычного и конкретного объектного бытования (Питер Осборн) и дезавуировал их сакрально-символическое заточение, распространив предметно-эстетические и социально-коммуникативные свойства вещей на всю систему жизнедеятельности культуры. Если раньше музейный экспонат воспринимался лишь как статичный сакрально-элитарный артефакт выставочной презентации, то сегодня он всё больше позиционируется как вещь-коммуникатор, ретранслятор важных посланий и участник актуального разговора, сотворчества и преобразования. Экспонаты музея в этом случае есть рассказчики, вдохновители и проектировщики, побуждающие зрителей преломлять их истории в собственный опыт социального творчества.

Другим важным императивом коммуникативной стратегии музея является предоставление широкой публике доступа к артефактам с целью их использования в своей креативной деятельности. Смысл такого подхода – позволить посетителям музея включиться в сотворчество, выразить то, что их беспокоит, дать людям возможность изменить то, что они хотят, в конечном счёте, увидеть, претворить в контексте их самого наиболее индивидуального опыта.

Таким представляется Музей Азии Винга Люка (штат Вашингтон, США), который функционирует как общественная площадка. Выставки здесь конструируются по методу сотворчества, благодаря чему поддерживается чувства соучастия, принадлежности и совладения. В этом музее процесс сотворчества начинается с создания открытой модели выставки. Вначале каждый посетитель музея предлагает свой проект, затем сотрудники музея их рассматривают с точки зрения общественной значимости. Главное, чтобы конечный продукт музейного проектирования представлял социальную ценность, был доступен и полезен для

максимально широкой аудитории [1, с.322-326]. Речь идёт о так называемых открытых музеях (с использованием практики визуально-коммуникативного скаффолдинга /«scaffolding»), в которых артефакты сотворчества обретают свой статус музейных экспонатов посредством их перевода из настоящего (сделанное руками посетителей) в прошлое (музейный экспонат). Иначе говоря, здесь артефакты переводят не историю в современность (практика обычных музеев), но современное, актуально сотворённое в плоскость меморативного, ценностного, социально-значимого, пережитого опыта, который нужно сохранить, для того чтобы потом передать другим.

Ещё один важный момент. Культура мира, запускаемая и конструируемая музейными практиками, должна перерабатывать и репрезентировать жизненную реальность во всём её многообразии. По этой причине музеи мира должны быть самыми разными, пытаясь соответствовать разнообразию жизни. Чем больше мы имеем в культуре спецификаций музеев мира, тем эффективнее их влияние на вызовы меняющегося мира.

Между тем, слишком много в музеях мира темы войны и насилия, слишком мало красоты, добра и миротворчества. В этой своей проекции, получается, что музей мира сильно напоминает то, чему он противостоит, превращаясь в музей войны, конфликта и насилия. Здесь следует различать: 1) музеи за мир (сдерживание войны) и 2) музеи миротворчества (культуры мира). Как бы ни различались их истории, фонды и функции есть у них одна современная насущная задача – впустить в музеи как можно больше мира и с его помощью (посредством его культуры) создать внутри музея атмосферу реального миротворчества, созидания и коммуникации.

При этом, всё более значимым, представляется национально-культурный контекст музейного проектирования, который воздействует на оптимальный выбор и продвижение наиболее эффективных миротворческих практик. Возникает вопрос о когнитивной спецификации восприятия и понимания мира в различных этнокультурных сообществах.

Здесь следует выделить две основные традиции – западную рационалистическую (прагматическая) и восточную духовно-созерцательную (ассоциативную). Рационалистическое разделение понятий world и rease исходит из европейской ментальности. Здесь мир/rease используется инструментально-прагматически как социальный принцип разрешения конфликта. Мир выступает регистратором укрощения насилия, преодоления вражды и окончания войны. В европейской традиции мир объясняется и достигается обычно через снятие противоречий с внешней средой во взаимоотношениях человека, общества и природы, т.е. через укрощения хаоса. Тогда как, мир на Востоке – это скорее внутренняя гармония души, уравновешенное созерцание и упорядоченный разум. Мир воплощает идеальное «единство благой мысли, благого слова и благого дела» (Заратуштра).

Показательно, что в русском языке слово мир сближается с восточным опытом его восприятия и используется в двух значениях – 1) мир, как вся окружающая человека реальность, вселенная / world и 2) мир как отсутствие войны, мирное время. Единство двух смысловых и ценностных проекций в слове мир представляется здесь не случайным. В русской и шире славянской традиции, выражение жить в мире означает жить в гармонии с семьёй, родом, общиной, государством и природой. Нельзя обрести покой в противостоянии с окружающей действительностью. Если на Западе мир понимается как достигнутое изменение и преобразование хаоса, то на Востоке – как наличествующее бытие, согласование, созерцание, покой. Кстати, слово мир в славянской языковой традиции этимологически восходит к таким понятиям как свет, украшение, спокойствие, согласие, народ, вселенная (М. Фасмер). Тогда как слово peace в европейской культуре ассоциируется, прежде всего, с ситуациями разрешения конфликта и понимается как “permission”, “freedom from civil disorder” and “absence or cessation of war or hostility” (source: Online Etymology Dictionary – <https://www.etymonline.com/>). Этимология существительного peace отсылает к латинской лексике и соотносит его со старославянским *país* – «мир, примирение, молчание, разрешение», римским *pacis* в значении «компактный, соглашение, спокойствие, отсутствие войны», а также к глаголу *pacisci* – соглашаться, приходиться к соглашению и восходящего к *pac* – «связывать вместе» посредством договора*. Данные этимологические прояснения позволяют проследить истоки и характер различий в некоторых ценностных предпочтениях Востока и Запада. Современные преломления этих ценностных предпочтений отмечаются в стереотипах восприятия и поведения, отражённых в практиках музейного проектирования.

Между тем, одним из самых опасных вызовов современной культуре является глобализующийся синдром ценностной дезориентации. Современность всё сильнее позиционируется как эпоха подмены, смешения и разрушения ценностей. Причём в этом процессе тотального смешения – продвижение мира часто сопровождается экспансией культуры войны. «Сегодняшнее великое смешение, пишет Ж. Бодрийяр, – это смешение зла и несчастья! Отождествление зла с напастью и, соответственно, добра с удачей... Идеология счастья, которая, по сути дела, абсолютно несчастна! [2, с.101].

В самом деле, образы и сюжеты войны значительно преобладают в современной культуре над миротворческими картинками. Так, количество запросов в интернете со словом war превышает почти в 2,5 раза запросы со словом peace. Музеев войны и жертв насилия гораздо больше, нежели музеев, посвящённых культуре мира. К тому же, даже музеи мира традиционно экранизируют в своих выставочных экспонатах преимущественно сцены войны и насилия. По мнению Ж. Бодрийяра, ирония в том, что «именно тогда, когда мы стремимся ко всеобщему благу, — именно тогда и заявляет о себе зло. Парадоксально, но факт: самая

худшая, причем глобального масштаба, из имеющихся сегодня дискриминаций своим существованием обязана не чему-нибудь, а отстаиванию прав человека... Тяга к добру, таким образом, чревата непредвиденными последствиями, и эти непредвиденные последствия всегда оказываются на стороне зла. Однако вести речь о зле вовсе не значит обрушиваться на него с проклятиями: зло в некотором смысле есть судьба, а судьба бывает и несчастной, и счастливой» [2, с.25].

Вместе с тем, у миротворчества как социальной практики есть свои узнаваемые и притягательные атрибуты – линии, контуры, цвета, формы, запах, стиль, манеры, переживания, иначе говоря, свой социально-художественный язык, иначе говоря, своя культура. Почему бы не развернуть все эти возможности и ресурсы в плоскость музейного проектирования? Культура мира – это не процесс пассивного созерцания, но активная жизнеутверждающая практика. Её миссия – генерировать новые ценности: слово, которое действует; запах, который имеет форму; цвет, который звучит... В этой связи, возникает необходимость создания новых музеев мира, которые бы могли охватить самые разные социальные и эстетические ценности человеческой жизни. Например, такими новыми миротворческими площадками могли бы стать, музеи милосердия, музеи добродетели, или доброй воли, музеи великодушия и гостеприимства, музей всемирной отзывчивости... При условии, если они будут функционировать не как сакрально-меморативные объекты, но как открытые лаборатории креативности действия, соучастия и сотворчества для решения неотложных задач современности.

Глядя на современные музеи мира, нельзя не согласиться с Ж. Бодрийаром, что «наша культура представляет собой культуру несчастья и страдания», причём «счастье и несчастье, подавленность и экстаз связаны ...исключительно с вещами» [2, с.130; 134]. Как показывает французский философ: «Граница, разделившая добро и зло, – это также и граница, разделившая вещи. С того момента, когда все существующее оказалось распределенным между двумя противоположными началами, мы, разумеется, ориентируемся только на доброе и, как следствие, всеми силами стремимся элиминировать злое. Но это исключаемое, не имеющее, с нашей точки зрения, права на существование зло неискоренимо, и оно начинает заявлять о себе в самой системе добра, в структурах универсума блага и добродетели: оно просвечивает в несчастье. Здесь имеет место своего рода ...возвращение подавленного, иначе говоря, некое почти физическое обратное движение, которое предполагается старым манихейским принципом дуальности и реверсивности. Добро и зло, согласно данному принципу, неразлучны: они являются двумя находящимися в отношении оппозиции феноменами, и в то же время они именно не отделимы друг от друга» [2, с.130-131; 134].

Очевидно, что прекращение войны и удержание мира эта лишь одна сторона актуальной миротворческой практики. Но есть и другая, вероятно, более существенная, определяемая как собственно культура мира, прописанная и

тракуемая в документах ООН как стратегия перемен. Культура мира – это прежде всего опыт креативного преобразования социальной реальности на принципах свободного гуманистического творчества. Мир креативен и разнообразен, и благодаря его созидательным ресурсам конституируется новый культурный ландшафт социума, расширяются границы человеческой свободы и коммуникации, растёт социальная отзывчивость и гражданская вовлечённость (партиципация) в решение самых актуальных задач современности. Если музейно-меморативные практики миротворчества освобождают культуру от войны, то музейные стратегии культуры мира предоставляют свободу для миротворчества, тем самым превращают мир в активный катализатор социальных преобразований. Освобождение от войны и свобода для мира – два противоположных, хотя и взаимосвязанных процесса. В первом случае, речь идёт, по существу, об архивировании насилия, его меморативном укрощении или символическом обезвреживании (стерилизации) с целью недопустимости повторения войны. Во втором случае – запускается процесс генерирования и конструирования новой культурной реальности (культуры мира) на пути максимально возможных гуманистических преобразований.

Таким образом, следует различать в деятельности современных музеев мира два вида миротворчества: 1) практику сдерживания войны и удержания мира (peace memorial heritage) и 2) практику продвижения мира и преобразования культуры (culture of peace-creativity).

Продвижение новой музейной практики визуализации культуры мира требует перехода к методу креативной транспликации экспонируемых артефактов. Разнообразными техниками художественно-коммуникативной транспликации, конституируется вся культурная реальность, которая сближает, объединяет и радует людей, вдохновляя их на инновации, новые переживания и опыт, и в конечном счете приводит к креативному преобразованию и социальному миропорядку. Здесь практики музеефикации мира в известной мере уподобляются аналогичному процессу собирания и репрезентации культуры. Эффективными практикам такой миротворческой деятельности являются креативные проекты Музея мира в Вене. Например, социальный арт-проект “Windows for Peace”. Этот так называемый уличный музей открыт круглосуточно для жителей и гостей австрийской столицы. Окна мира – это разнообразные арт-плакаты и фотографии с краткими биографиями героев миротворчества, изменивших мир к лучшему. Это своего рода послание мира каждому и вдохновляющий стимул поверить в себя и стать участником общественных преобразований. Здесь опыт прошлого становится стимулом для настоящего.

Полезным сценарием реализации связи времён и гуманистических концептов может стать музейная кросскультурная лаборатория миротворчества, где, опираясь на исторический опыт, представленный в документальных экспонатах, визитёрам

музея предлагается подумать над тем, как уроки прошлого можно использовать для разрешения современных конфликтов. Все разработанные ими на этой основе модели социального примирения не только собираются в одну большую новую экспозицию, но и включаются в повестку необходимых действий по разрешению конкретных конфликтов и продвижению культуры мира и ненасилия в гражданском обществе.

В этом случае экспонаты музея не только стимулируют коммуникативную вовлеченность человека в социально значимые проекты, но и вдохновляют человека на размышления о том, как я могу улучшить мир, в котором живу, что для этого нужно, с чего начать и как поступить. Размышлять о мире всегда полезно. Ведь благодаря Сьюзен Сонтаг мы знаем, что «нельзя думать и стрелять одновременно» [8]. В этом плане, интерес представляют недавно запущенные самарскими культурологами музейные практики, когда визитёры музея выступают не только зрителями, но и участниками сотворения rease-action. Например, посетители музея (студенты) попадают в зал, где предметы, олицетворяющие войну и мир, хаотично разбросаны. Участникам музейного действия предлагается, не только правильно их распределить по группам, но и на их основе сконструировать поучительный тематический сюжет. Как показывает опыт, такие игровые проекты реально делают посетителей музея проектировщиками новой культурной rease-reality и развивают их персональную ответственность за сконструированный ими мир.

Другой пример. Музей представляет своим посетителям возможность показать, каким они видят мир (rease) в цвете, из множества цветowych панно выстраивается колоритная rease-composition, затем ставится задача подобрать к ней соответствующую музыку, найти необходимый ритм. Ещё одна креативная практика – проект «Запахи мира (rease)». Здесь требуется найти нужную аромо-комбинацию к различным миротворческим сюжетам и ландшафтам. Оказывается, у различных манифестаций мира могут быть различные не только цветowe композиции, но аромо-ассоциации.

Интересным проектом стал креативный опыт «Создай свою улицу Мира». Где молодые люди виртуально выстраивают в известных местах города Самары, тематические проспекты, улицы, скверы, парки, переулки и площади с соответствующими названиями: «Музыка мира», «Согласованный порядок», «Ожидаемая гармония», «Лица мира», «Разнообразие в единстве» и пр.

Безусловно, такие культурные практики становятся востребованными и за пределами самого музея, они нередко, включаются в креативные индустрии по облагораживанию мультикультурной урбанистической среды современного города.

В практике музейного проектирования культуры миротворчества нужно учитывать возможные провокативные синдромы визуальной экранизации артефактов. Сами по себе эти артефакты мало что дают для мысли и даже в том

случае, если к ним прикреплены ярлыки и комментарии. Увидеть в музее жестокие сцены насилия вовсе не значит проникнуться мыслью о необходимости позитивных действий. Созерцание страданий нуждается в понимании и преломлении визуального опыта в актуальную социально-значимую практику. «Сострадание – не стойкое чувство. Его надо перевести в действие, иначе оно глохнет» [8, с. 76].

Артефакт культуры вступает в эффективный коммуникативный обмен лишь в контекстуально-нарративном оформлении, иными словами, его нужно разговорить, инсценировать живое диалого-сопоставление и включить в актуальный социокультурный контент наблюдателя. Демонстрация артефактов войны и документальных свидетельств насилия могут не только убеждать посетителя музея в неприятии войны, но и вызывать у него чувство ненависти и отчуждения. Между тем, «созерцание бедствий ...стало существенной частью современного опыта» [8, с. 17].

Как показывает опыт, мир (peace) может спасти цивилизацию, если последняя обратит культуру на службу мира. Мир преобразуется красотой и прирастает культурой. При этом, мира всегда мало, тогда как войны всегда много. Но там, где что-то недостаёт, всегда хочется что-то добавить. Напротив – там, где избыток – возникает желание что-то убавить. Вот почему культура мира всякий раз побуждает человека доопределять реальность, её дополнять и преобразовывать.

Это даёт основание рассматривать миротворчество как способ приблизить к себе жизнь. Ближе к миру – значит быть ближе к полноте и порядку жизни. Больше мира – больше культуры, а, следовательно, больше преобразованной и одомашненной жизни. В этом смысле, мир для человека – это путь домой – долгий, тернистый, драматичный.

Литература

1. **Бишоп К.** Радикальная музеология, или так ли «современны» музеи современного искусства? – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. – 96 с.
2. **Бодрийяр Ж.** Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург: У-ФАКТОРИЯ, 2006. – 200 с.
3. **Ионесов В.И.** Артефакты креативности как знаки меморализации культуры: вещи, ставшие наследием // Креативная экономика и социальные инновации. 2015. Т. 5. № 2 (11). – С. 28-33
4. **Ионесов, В.И.** Испытание переходом как переосмысление культуры // В сборнике: Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международной научно-практической конференции. Под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова. 2013. С. 61-67.
5. **Ионесов А.И., Ионесов В.И.** Музей, как миротворчество: способны ли артефакты культуры нас примирить? // Вестник Челябинского государственного университета. –2015.– №19 (374). – С.75-81.

6. **Ионесов В.И., Куруленко Э.А.** Культура как миротворчество и социальное подвижничество: региональные проектные практики // Культурологический журнал, 1-2013
7. **Саймон, Н.** Партиципаторный музей. – М.: Ад Маргинем Пресс (Garage Pro), 2017. – 368 с.
8. **Сонтаг, С.** Смотрим на чужие страдания. Серия «Совместная издательская программа с Музеем «Гараж. Пер. с англ. Виктора Гольшева. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. – 96 с.
9. **Anderson Gail** (ed.) *Reinventing the Museum: The Evolving Conversation on the Paradigm Shift.* Plymouth: AltaMira Press. 2012. – 540 p.
10. **Anzai, Ikuro, Apsel, Joyce and Sikander Mehdi, Syed,** eds. *Museums for Peace: Past, Present and Future / The Organizing Committee of the Sixth International Conference of Museums for Peace.* Kyoto (Japan): INMP, Kyoto Museum for World Peace, Ritsumeikan University. 2008.
11. **Apsel, Joyce.** *Introducing Peace Museums.* London and New York: Routledge. 2016. – 236 p.
12. **Barrett, Clive and Apsel, Joyce** (eds). *Museums for Peace: Transforming Cultures.* Hague (The Netherlands): INMP. 2012. – 270 p.
13. **Bedford, Leslie.** *The art of museum exhibitions: How story and imagination create aesthetic experiences.* New York: Left Coast Press. 2014. – 168 p.
14. **Conflict Transformation through Culture Peace-Building and the Arts.** Salzburg Global Seminar. Session 532 Salzburg, April 6 to 10, 2014. Available at http://www.salzburgglobal.org/fileadmin/user_upload/Documents/2010-2019/2014/532/SalzburgGlobal_Report_532.pdf, last accessed January 10, 2018.
15. **Ionesov, Anatoly I. and Ionesov, Vladimir I.** “What Can Be Done in 25 Years or the Organization that Gave Peace a Chance”：“INMP Newsletter”, No. 18 March 2017, Special Issue, International Network of Museums for Peace, Hague. 2017. 59-60.
16. **McLean Kathleen, Pollock, Wendy** (eds.). *Visitor Voices in Museum Exhibitions.* Washington D.C.: Association of Science and Technology Centers. 2007. – 164 p.
17. **Pachter, Marc and Landry, Charles.** *Culture at the Crossroads. Culture and Cultural Institutions at the 21st Century.* Comedia. 2001. – 113 p.
18. **Yamane, Kazuyo.** *Peace Education through Peace Museums/International Security, Peace, Development and Environment – Volume II.* Edited by Ursula Oswald Spring. – EOLSS Publications/UNESCO, 2009. – Oxford, UK. (– 358 p.). – P. 94-164.

**VISUALIZATION OF CULTURE IN THE MUSEUM PRACTICES OF PEACE-
MAKING: EXPERIENCE AND TRIAL**

Ionesov V.I. (Samara State Institute of Culture, Samara, Russia)

This article examines the possibilities of assembling and expanding the new cultural field of peacemaking, in which the museums for peace will not only effectively show the humanistic potential of their collections (heritage), but also open up peacemaking opportunities in the everyday life of people. Such cultural practice can give value to the fact that it did not have or still remained not obviously significant for museum work. There are two scenarios for achieving this: 1) the museum of the world (with its heritage / memory artifacts) is incorporated into the culture of people's everyday life (everyday life) by their social projects and 2) the best examples of everyday life experience are attached to the actual practice of the museum, acquiring the status of cultural value.

Keywords: *peace museum, culture, visualization, communication, artifacts, violence, reconciliation.*